
Дворец из золота и слёз
Екатерина Лин

Екатерина Лин

Дворец из золота и слёз

Серия «Молодежное фэнтези. Сумеречные тропы»
Серия «Мрачный ретеллинг. С чего всё начиналось»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74721146
Е. Лин. Дворец из золота и слёз: ООО «Издательство АЗБУКА»; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-35730-3

Аннотация

Кай выращивает розы, преподаёт в сиротском приюте и проводит свободное время с лучшей подругой Гердой. Однажды цветы в его саду начинают вести себя странно. Они вьются и тянут к своему хозяину бутоны. Когда Кай до крови уколол палец о самую красивую алую розу, названную в честь Герды, он решает, что это дурной знак.

Тем временем с гор снова задул холодный ветер, предвещая зиму, которую все боятся. По городу ходят слухи, что ОНА скоро явится. Кажется, на улице видели ЕЁ огромные жуткие сани. Кай закрывает все окна и растапливает камин, устраиваясь возле него

с любимой кошкой и Гердой. Однако с появлением подруги в комнате будто становится темнее, но Кай пока этого не замечает…

Содержание

Пролог 6
Глава 1. И имя было – роза 8
Глава 2. Спи, дитя 15
Глава 3. Ведьма 27
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Екатерина Лин
Дворец из золота и слёз

© Екатерина Лин, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
«Махаон»®

* * *

Пролог

Тролль, разодетый в модный плащ на меху и мягкие ботиночки с длинными носами, брёл через чёрное, убранное к зиме поле. С каждым шагом он всё больше пыхтел и причитал.

Ведьма ясно дала понять, что случится, если он не доставит заказ в дом на горе вовремя. И пусть перспектива открывалась неприятная, Тролль намеренно не торопился, то и дело спотыкаясь о собственные ноги и останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Тащить на себе проклятое зеркало, которое весило почти столько же, сколько он сам, оказалось не самой простой задачкой на свете и точно не самой приятной.

Тролль на секунду остановился и отёр выступивший на лбу пот белоснежным платком, а когда вновь устремил взгляд на дорогу, то увидел перед собой ребёнка с мёртвой вороной в руках. Но зачем он её притащил? Неужели чтобы в очередной раз поиздеваться?

– Ты?

Ребёнок швырнул ворону на землю и улыбнулся.

– Совсем ума в голове не осталось? – возмутился Тролль и попытался отпихнуть ботинком безжизненное птичье тельце в сторону.

В ответ ребёнок оскалил белые мелкие зубки и направил-

ся к нему.

Тролль вздрогнул, отчего зеркало – ужасно громоздкое и тяжёлое – выскользнуло из рук и, упав на землю, разбилось на сотни мелких осколков.

А потом начался кошмар.

Ничем не примечательный осколок

Я ставлю точку и смотрю на унылый пейзаж за окном. Вот уже который день не получается ничего написать. Не знаю, кому стоит рассказать, как всё на самом деле случилось, – но явно кому-то другому.

Выдуманные истории всегда давались мне тяжело, так что, наверное, стоит просто рассказать как есть.

Если я запомнила всё правильно – и лишь немного приукрасила там, где это было совершенно необходимо, – дело было так…

Глава 1. И имя было – роза

Всё началось с роз. Целого куста прекрасных алых цветов, что росли в кадках на балконе в его квартирке под самой крышей.

Во всяком случае, Каю запомнилось именно так.

Мысленно возвращаясь к событиям, навсегда изменившим его жизнь, он всякий раз натыкался на то самое первое воспоминание, когда всё и пошло наперекосяк.

А ведь он и представить не мог, что однажды цветы – несколько чахлых кустов, доставшихся ему в наследство вместе с домом, – вдруг проявят характер и, словно живые, потянут к хозяину яркие алые бутоны и острые стебли в попытке уколоть побольнее. Кай ожидал, что однажды они просто засохнут, но никак не что они потребуют его крови!

И всё же внезапное восстание роз – неожиданное, невозможное и оттого немного зловещее – происходило прямо у Кая на глазах. Словно он находился в очередном кошмаре, какие порой мучили его по ночам с того самого дня, как в день их семнадцатилетия утонул его брат-близнец, с которым они делили саму жизнь, хоть никогда и не походили друг на друга характерами.

– Я вам не нравлюсь, да? – спросил Кай, осторожно касаясь самого крупного и бархатистого лепестка. – Не можете

смириться с тем, что его нет?

Все два года после трагедии он ухаживал за розами Мая, которые не очень-то ему и нравились, исключительно по привычке. Чтобы сохранить память о брате, бездумно шагнувшем на тонкий речной лёд.

Май. Безрассудный, смелый и любознательный. О, как сильно Кай, будто бы не обладавший ни одним из этих прекрасных качеств, порой хотел быть похожим на него!

– Я тоже по нему скучаю.

Словно в насмешку, алый бутон шевельнулся под его пальцами, и острый, неестественно длинный шип впился в ладонь.

Невозможно!

Кай вздрогнул скорее от неожиданности, чем от боли, и поспешно отдёрнул пальцы. И потом рассеянно наблюдал, как зелёный длинный стебель выгибается под неестественным углом и пытается дотянуться до его запястья, чтобы оплести и сжать. Но ведь это всё не могло происходить на самом деле, правда?

Он предпочёл сделать вид, что ничего не произошло. Почти убедил себя в том, что у него просто разыгралось воображение.

Но на месте укола выступила кровь. Алая капля упала в кадку и мгновенно впиталась в землю, не оставив следа. Кай готов был поклясться, что после этого бутон стал ещё красивее, пышнее и ярче.

Удержаться и не вдохнуть чарующий розовый аромат оказалось просто невозможно. Однако отчего-то в нём различались не знакомые сладковатые нотки, а нечто иное. Некий приторный гнилостный оттенок, от которого кружилась голова. Кай шагнул в сторону и на секунду прикрыл глаза, силясь унять подступившую к горлу тошноту, а когда вновь распахнул веки – роза показалась ему обыкновенной. Такой же, как и всегда… Совершенно не волшебной и точно не живой.

– Вот, значит, как?

Лишь боль – острая и раздражающая, как застрявшая в пальце заноза, – напоминала о том, что всё случилось на самом деле. Или в его фантазиях?

Теперь, когда наваждение схлынуло, будто ледяной прибой, он начал сомневаться в том, что видел.

Шутка, которую сыграли с ним любимые цветы брата, вдруг показалась Каю жестокой и совершенно несмешной. Будто знак и дурное предзнаменование беды, что вот-вот явится на порог. А ведь очередной её визит он просто не переживёт!

– И как мы тебя назовём?

Май любил давать цветам имена, Каю же эта его привычка всегда казалась лишь бессмысленной и милой причудой. Однако теперь он её перенял.

– А может?..

Кай на секунду задумался, перебирая в голове женские

имена. Царские, благозвучные и просто красивые. Но ни одно из них не нашло у него в душе нужного отклика.

Все они казались не тем, что он искал. Или все, кроме одного?

Едва перед глазами всплыло лицо его единственной подруги – как всегда очень серьёзное, – Кай понял, на каком имени стоит остановиться. И больше не сомневался ни секунды.

– Пусть будет Герда. – Он вновь осторожно дотронулся до бутона, но, к счастью, тот не отозвался на его прикосновение. – Как тебе? Нравится?

Роза не успела ответить, а может, ответила так тихо, что он не сумел разобрать её бормотания.

Вдруг с высоких гор, что с трёх сторон стискивали город в суровых объятиях, налетел холодный пронизывающий ветер. Кай поспешил закрыть окно на щеколду, чтобы розы не замёрзли и плоды его трудов разом не обратились в ничто.

Затем Кай переместился в маленькую гостиную с тахтой, книжными полками, выцветшим ковром с затейливым восточным узором, дешёвой картиной с тревожным штормовым морем, огромным зеркалом на ножках и большим, сложенным из крупного камня очагом. В нём он торопливо растопил огонь, бездумно бросив внутрь последние купленные в городе поленья.

Пламя, ненасытное и горячее, занялось так быстро, что Кай подумал было притушить его, залив водой из приготов-

ленной на случай пожара чаши, но в последний момент передумал. Вскоре на стенах заплясали уродливые тени, и комнату наполнило тепло, однако согреться всё равно не вышло.

Кай попытался убедить себя, что случившееся в оранжерее просто ему почудилось. Будто не было никаких оживших роз и обещания долгой и жестокой зимы, которую всякий раз приносило с гор.

Обычно он легко принимал новые обстоятельства и без труда под них подстраивался, но сегодня поверить в лучшее никак не получалось.

Кай чувствовал, как нечто дурное надвигается на город и него самого, подобно чёрной туче. Буквально ощущал в воздухе беду, что переминалась с ноги на ногу у порога и, приподнявшись на носочки, заглядывала в окна.

Но разве жизни брата ей оказалось мало?

В ответ на его не высказанную вслух претензию, в оранжерее раздался грохот, словно кто-то опрокинул все горшки разом, а потом принялся выплясывать на черепках.

Схватив кочергу, Кай медленно переступил порог.

Тяжёлый, неподвижный воздух, от которого несло увяданием и сырой землёй, проник в ноздри и заставил брезгливо поморщиться. И тогда Кай заметил чудовищные изменения и ужаснулся.

Его не было всего несколько минут, но за это время произошло кое-что непоправимое.

– Герда? – ошеломлённо позвал он.

Гостья бросила на него рассеянный взгляд миндалевидных глаз, заправила за ухо выбившуюся из причёски прядь светлых волос и выдавила улыбку. При других обстоятельствах Кай улыбнулся бы в ответ, но теперь не смог, ведь вокруг них находился не цветущий сад, а самое настоящее кладбище. Безмолвное, печальное и одинокое.

Растения поникли. Их алые лепестки осыпались, так что на стеблях, коричневых и сухих, теперь виднелись лишь опасные острые шипы.

То, что находилось в кадках, было вонючим, некрасивым и гнилым.

Розы его брата погибли. Все до единой.

И посреди всего этого уныния, нежно улыбаясь, стояла Герда.

Осколок с алым отблеском

Во всём, конечно же, виноваты розы. Из-за них Кай смотрит на меня так, будто я совершила преступление.

Моя рана ему не видна, но я всё равно переживаю, что он заметит неладное.

– Не порезалась? – спрашивает он и ласково касается моей руки, заставляя сердце пуститься вскачь.

– Ерунда.

Я спокойно демонстрирую ему руки и стискиваю зубы, чтобы не закричать от боли. Мне стоило быть осторожней и

действовать быстрее, но теперь поздно об этом думать. Рана на ноге беспокоит всё сильнее, но я позабочусь о ней позже. Кай не должен ни о чём догадаться. Не хочу, чтобы он тревожился или, что ещё хуже, начал задавать вопросы о том, кто виноват в гибели сада.

Разруху в саду я всё равно объяснить не смогу. Или не захочу.

Кай облегчённо выдыхает и делает вид, что верит. А может, и правда верит. С ним никогда не поймёшь. Это-то мне в нём и нравится.

Глава 2. Спи, дитя

Кай помнил, как запирал окно, но теперь оно вновь оказалось распахнуто настежь.

– Почему ты смотришь так, будто не рад меня видеть?

Герда наблюдала за ним со странной грустью на лице и не спешила подходить ближе. Неужели она боялась, что Кай снова отругает её за то, что она явилась через окно оранжереи, а не через дверь, как поступил бы любой нормальный человек?

Впрочем, нет, гостья выглядела не виноватой, а вполне уверенной, и царящий вокруг бардак её явно не беспокоил, словно она с самого начала ожидала оказаться посреди уничтоженного сада.

Только вот что могло так быстро погубить розы? Ветер или сама госпожа Снежная королева, рассказами о которой пугали детей? Кай давно перестал верить в сказки, потому не поддался страху, опустил кочергу и стыдливо поставил её в угол, словно провинилась она, а не он сам.

– Снова зашла через окно? – с улыбкой поинтересовался Кай.

Разозлиться на Герду по-настоящему, конечно же, не вышло. И не только потому, что в компании гостьи, закутанной в изящный чёрный плащ, подбитый мехом, Каю сразу стало спокойней. Он не мог долго на неё обижаться. Даже когда

она снова забралась в квартиру через узкий каменный парапет – тот самый, что по причуде сумасшедшего архитектора соединял их дома. А ведь после гибели Мая они сотню, миллион раз говорили, что риск того не стоит!

Ещё с детства Герда слыла редкой упрямицей, но Кай любил даже эту не самую приятную черту.

– Решила проверить, как ты тут поживаешь. – Герда мотнула головой и отстегнула застёжку плаща, демонстрируя простое серое платье под ним. Затем извлекла из кармана маленький свёрток и протянула другу. – В такую погоду хорошего не жди…

Это оказался оказался завёрнутый в бумагу кусочек пастилы. Очередной милый подарок без повода.

И как только она понимала, что именно в этот момент нужна Каю больше всего? Почему оказывалась рядом, стоило ему представить, как было бы здорово разделить тот или иной момент с кем-то?

Ещё в детстве стало очевидно, что Герда понимала его лучше остальных. Пока другие дети намеренно обходили его стороной, считая нелюдимым и потому странным, и не брали в свои игры, она одна оставалась рядом. Даже когда её принялись дразнить ведьмой. Только вот как могла быть ведьмой та хрупкая и смелая девчонка, что вставала на защиту других даже в моменты, когда они об этом не просили?

– Пустяки, – отмахнулся Кай и первым вернулся в гостиную, где жарко полыхал огонь. – Ветер как ветер. Видимо,

скоро снег в горах пойдёт.

«Держи очаг тёплым – и зима со всеми её горестями обойдёт тебя стороной, а Снежная королева не остановится на пороге, накликивая смерть»… Так ведь обычно говорили особо суеверные из городских?

– Неужели? – Странно прихрамывая, Герда ступила в комнату и смерила Кая насмешливым взглядом. – На площадях весь день шепчутся, что скоро погода совсем испортится. Ты что же, ни капельки не боишься?

Кай так ничего и не ответил. По своему обыкновению, просто не нашёл нужных слов и не стал разбрасываться ненужными, как сделали бы на его месте другие. Да и порой молчание служило лучшим ответом.

К тому же он и правда не чувствовал ничего такого. Сердце сжимала тревога, саднящая за рёбрами, но точно не страх.

Кажется, в день смерти Мая он пережил такой сильный страх, что теперь вовсе перестал бояться…

– Я снова тебя расстроила?

Она выглядела обеспокоенной.

– Нет, вовсе нет.

В комнате будто внезапно стало темнее. Густые тени всколыхнулись, потянули длинные бесплотные щупальца из своих углов, заполонили пространство и принялись клубиться вокруг Герды, словно та их заклинала. Каю захотелось подойти и разогнать их руками, пока те не причинили вреда, но он так ничего и не сделал.

Вместо этого он решился на кое-что другое и, подойдя к очагу, принялся ворошить брёвна. Почему-то казалось, что как только пламя разгорится сильнее, тени исчезнут сами собой, будто их никогда и не было. Однако эта маленькая хитрость не помогла, и тогда Каю пришлось идти за тяжёлой артиллерией – или просто за чадящей старой лампой – на кухню.

К его возвращению Герда расположилась на самом краешке тахты, словно опасаясь, что хозяин разгневается и примется гнать её прочь, займи она слишком много места. Только вот он не собирался делать ничего подобного. Никогда бы не сделал!

Присутствие Герды всегда его успокаивало, помогало ненадолго забыть обо всех горестях и вновь почувствовать себя нормальным. Цельным человеком, которым он был до того, как трагедия перевернула жизнь с ног на голову и сделала его почти преступником. Во всяком случае, в глазах горожан…

Герда ни разу не высказала недовольства, в отличие от соседей, что винили его в смерти Мая и вечно шептались за спиной. А ведь иногда Кай и сам винил себя в том, что случилось с братом. Разве не он, как старший, пусть и всего на пару минут, должен был следить за тем, чтобы братец не выходил на тонкий лёд?

Правильного ответа, похоже, не существовало, но Кай всё равно мечтал его найти. Хотя бы для того, чтобы успокоить

совесть.

– Не хочу, чтобы ты грустил. – Герда смирно сложила руки на коленях и переплела пальцы, как и всегда в моменты, когда нервничала. – Вот, смотри, что я тебе принесла.

Она раскрыла ладонь, и на той блеснул старый медный ключ.

Кай вздохнул.

О, сколько раз она дарила ему монетки, приносящие удачу, волшебные зеркала, в которых якобы можно рассмотреть собственное будущее, и прочие безделицы – все как одна бесполезные.

– Что это? – со вздохом поинтересовался он.

– Ключ, что может открыть любую дверь, конечно, – уверенно заявила Герда.

А ведь он думал, что её интерес к магии угас. После того случая с мешочком «волшебных» бобов, что, конечно же, не проросли до самого неба, как обещал ушлый продавец с рынка.

– Ты уже испытала его? – Кай нахмурился, стараясь не быть грубым или злым. – Сколько дверей он отпер?

Герда сокрушённо покачала головой.

– Пока ни одной, но…

– Ясно.

В каком-то смысле Кай даже завидовал столь поразительной вере в чудо, ведь сам давно её растерял.

– А что с теми башмаками, которые ты купила на прошлой

неделе?

– Я ещё гадаю, в чём их магическая сила. Но обязательно выясню.

Кай решил промолчать.

– Хочешь, спою что-нибудь и немного тебя развеселю? – предложила Герда.

В отблесках пламени её лицо выглядело угловатым и немного зловещим, почти чужим, так что Кай, на секунду смутившись, почувствовал острое желание отказаться от весьма щедрого предложения. Но быстро взял себя в руки и кивнул.

Если уж Герда собиралась вмешаться – она непременно вмешивалась и делала по-своему назло всему. Проще было согласиться и не тратить время на заранее проигранный спор.

– Почему бы и нет?

– Как насчёт колыбельной? – с улыбкой спросила Герда, а потом встала и, прихрамывая, прошла к окну.

Не сдержавшись, Кай поморщился. Вот уж чего ему точно не хотелось, так это слышать жутких песенок, которые мама пела им с Маем в детстве, когда отец надолго уходил в море, а за окном поднимался ледяной ветер.

Кай слишком хорошо помнил ту старую странную мелодию, и она всякий раз вызывала у него волну дрожи.

Сказ о ледяной деве. Королеве, что в самый мороз разъезжает на санях, запряжённых воронами, и ищет заблудших,

отчаявшихся людей, чьи жизни можно было бы украсть.

Маю колыбельная нравилась, а Каю – нет. Конечно, не всё в ней было правдой, но каждую проклятую зиму в их прекрасном городе начинали пропадать люди.

«Не надо. Спой что угодно, но только не её!» – Мысль обожгла разум, но так и не слетела с языка. Кай не посмел возразить.

А потом стало поздно.

Герда запела.

Голос её зазвучал тихо, монотонно и пугающе. Словно из глубины тёмного колодца, в котором завелась нечисть.

– Спи, дитя, закрой глаза.
Ветер воет у крыльца.

Кай зажмурился, но слова продолжали проникать в его сознание, царапаясь, словно острые льдинки. По спине пробежали мурашки.

– Сани принесёт зима и с ними – суровую владычицу льда.

У кого в груди тоска,
а сердце будто изо льда…

Кай прервал Герду резким взмахом руки, но, к его удивлению, она не остановилась, пока не допела жуткую колыбельную до самого конца. Уставившись в одну точку и упрямо не

замечая ничего вокруг. Будто что-то или кто-то заставляло её продолжать.

– Герда? – в голосе Кая послышалось беспокойство. Он коснулся её плеча, но та раздражённо стряхнула его руку и продолжила петь. Так заунывно, что ему сделалось не по себе. – Милая…

Последняя высокая нота растаяла в воздухе, оставив их в оглушительной, невыносимой тишине. Герда покачнулась, словно ей внезапно стало больно наступать на ногу, и медленно села.

– Я в порядке. Просто немного увлеклась, прости.

– С тобой точно всё хорошо? – поинтересовался Кай осторожно.

Если уж она снова начала искать «магические» предметы на местных барахолках – дела плохи, и дела на работе точно шли не гладко.

Поскольку делиться проблемами Герда никогда не любила, то с вызовом вздёрнула подбородок, пожала плечами и упрямо кивнула.

– Лучше бы сказал, какой у меня красивый голос, – усмехнулась она, поправляя платье.

Хвалить друг друга было самой старой из их маленьких традиций, но Герда редко позволяла проявлять к ней заботу.

– У тебя красивый голос, – послушно повторил Кай, так и не придумав более изящного комплимента.

Одарив его понимающей и чересчур доброй улыбкой, ко-

торую он явно не заслужил, Герда поднялась и заспешила к выходу. Но вдруг остановилась, заглянула в зеркало и, улыбнувшись своему безупречному отражению, украдкой поправила волосы.

– Слышал примету о том, что если кто-то умер перед зеркалом, то он останется в нём навсегда?

– Нет.

Кай невольно подумал о Мае и водной глади, что его поглотила. Чем не зеркало?

– Прости, снова не понимаю, о чём говорю.

В качестве выхода Герда благоразумно выбрала дверь, а не окно. Однако не успела она сделать и нескольких шагов по коридору, как путь ей преградили, да не кто-нибудь, а сама госпожа Маленькая разбойница.

– Брысь, чудовище! – взвилась Герда.

Кошка, полосатая, будто знаменитая арестантская роба, в которую рядил преступников бургомистр[1], выгнула спину и отчаянно зашипела.

– Прости. Кажется, она немного ревнует.

Кай торопливо подошёл к Разбойнице и взял её на руки, но та продолжила шипеть, не сводя с соперницы маленьких жёлтых глаз. Из её горла вырывался всё тот же клокочущий и низкий звук, чем-то напоминающий злобный собачий рык. Кай слышал подобное редко, и всякий раз – когда в доме

[1] Бургомистр – это глава городского самоуправления или мэр, руководитель местной администрации в таких странах, как Германия, Австрия и Швейцария.

гостила Герда.

По правде говоря, он понятия не имел, что не поделили два его самых любимых существа на свете, и просто пытался поскорее успокоить обеих, пока их неприязнь не перешла в открытый конфликт с когтями и руганью. Обычно ему даже удавалось, но сегодня…

Рассеянная улыбка Герды померкла, а поза стала напряженной.

Гостья медленно протянула руку, вероятно, желая погладить Разбойницу по холке, но та бросилась вперёд и с непривычной агрессией постаралась укусить. К счастью, с первого раза ничего не вышло, а второй попытки сблизиться просто не случилось, ведь Герда предпочла держать руки при себе.

– Прости, – проговорил Кай и виновато улыбнулся.

– Она не ревнует, а боится, – задумчиво ответила Герда и сделала шаг в сторону, позволив здоровому благоразумию взять верх над обидой. – Бедняжка.

Кошка возмущённо заворочалась и едва не вырвалась у хозяина из рук. Неужели потому, что правда испугалась? Кай с недоумением прижал её к груди. И это хрупкую и добрую Герду, по мнению Маленькой разбойницы, стоило бояться?

– Пожалуй, я пойду. Спи спокойно, Кай. И пообещай, что выспишься!

Он медленно кивнул.

– Ладно.

Едва тяжёлая входная дверь с тихим скрипом закрылась за

гостьей, как Каю показалось, что тени в комнате вновь стали нормальными. Или ему так только показалось?

Чувствуя себя совершенно сбитым с толку, Кай немного постоял у порога, а потом вернулся в гостиную и, остановившись у остывающего очага, задумчиво потрепал Маленькую разбойницу за ухом.

– Дурочка, – любя пожурил он. – Герда – друг. Только она одна всегда на нашей стороне…

Друг. Его настоящий друг.

Он повторил это слово много-много раз. Пока наконец не поверил, что всё так и есть.

Осколок с неровными краями

Петь про Снежную королеву – непростительная ошибка и совершенно скверная идея. Ужасная.

Сейчас, по пути в ненавистную родительскую квартиру, где каждая мелочь напоминает о детстве, прочно въевшемся в мою жизнь, всё это кажется бредом.

Я могла выбрать любую другую мелодию, но спела именно ту колыбельную. А ведь не подскажи мне тени – ни за что бы ни вспомнила слова.

Каю, конечно, моё представление не понравилось.

Не стоило показываться перед ним такой и вести себя как сумасшедшая, особенно теперь, когда наши отношения вновь стали почти нормальными. После кошмара, что при-

шлось пережить, когда мы потеряли Мая.

По нему я, конечно, не скучаю, но видеть печальное лицо Кая нет сил.

Я в сердцах обещаю себе сделать всё, чтобы никто и ничто больше не встало между нами, и поднимаюсь к себе на этаж.

Тени, прячась по углам, верно следуют за мной.

От их невнятной болтовни у меня снова болит голова.

Глава 3. Ведьма

Работа в приюте на окраине городка, где Кай учил детей счёту и основам арифметики, никогда не казалась ему главной целью в жизни. По правде говоря, это Май грезил занять достойную должность и помогать другим. В счастливые дни, когда и представить не мог, что глупая трагедия оборвёт планы разом. А за неделю до смерти и вовсе признался, что влюбился и теперь сделает всё, чтобы её завоевать. И даже пригласил знакомых на свадьбу до того, как сделал предложение потенциальной невесте…

Кай подхватил чужую работу скорее по привычке. В детстве он нередко донашивал вещи брата и порой говорил в его манере, так что это стало логичным решением. К тому же так Май будто оставался рядом.

Временами преподавание Каю даже нравилось.

Например, сегодня, когда мальчишка из младшей группы, в которого уже давно никто не верил – а может, не верил вообще никогда, – наконец стал делать успехи.

И всё же проблемы не оставили Кая в покое, и после обеда сама карга вызвала его на разговор. Как и всегда – в момент, когда меньше всего хотелось встречи.

Кабинет её, как и положено приличному ведьмовскому логову, располагался под самой крышей. В тёмном и затхлом закутке у шаткой деревянной лестницы, в котором ни-

кто другой не оставил бы даже ведра и метлы для уборки.

Но фру[2] Линд мнение людей, казалось, совершенно не волновало, ведь уединение было для неё куда важнее всего остального.

Высокую и статную женщину, неизменно выбирающую сложные причёски, глухие воротники и тяжёлые юбки, шуршавшие при каждом движении, приютские учителя звали просто «директрисой» или «каргой». Хотя формально она считалась доброй попечительницей и давним спонсором, тогда как официальным директором числился её муж, которого никто и никогда не видел.

Для Кая госпожа была чем-то вроде ведьмы из сказки. Скорее доброй, чем злой. Пусть чаще она вызывала у него неприятные мурашки и тревогу, которую с трудом удавалось побороть. Особенно в дни, когда на фру находило странное настроение и она вдруг начинала говорить сбивчиво и путано, пророча будущее.

Кай категорически не желал знать, что его ждёт впереди. После всего, что случилось с семьёй, он едва ли верил в лучшее…

Хотя однажды чутьё фру Линд и правда уберегло его от большой беды. Помнится, в тот день она отослала Кая домой раньше обычного, наплевав на собственный дурной характер и привычку выжимать из работников все соки, не от-

---

[2] Фру – это вежливое обращение к замужней женщине в скандинавских странах (Швеция, Дания, Норвегия), означающее «госпожа».

пуская их раньше глубокой ночи. Тогда быстро выяснилось, что он забыл затушить свечку, и та, накренившись, едва не подожгла матушкины портьеры, грозя сжечь дом.

Наверное, Каю стоило быть благодарным за помощь, ведь дело шло о родительской квартирке, но единственное, что он испытывал, сталкиваясь с фру в коридорах после того случая, – это суеверный страх.

Она смущала его жуткими предсказаниями и странноватыми нарядами, напоминающими вдовьи платья, отороченные перьями неизвестных птиц и дополненные экстравагантными шляпками с широкими полями.

Он действительно немного её побаивался, потому привык всячески избегать встреч. Выходило не всегда, совсем как сегодня.

– О, вы наконец-то пришли, мальчик мой, – намеренно растягивая слова, потребовала фру, а потом повелительно указала длинным ногтем на стул перед своим столом. – Чувствуйте себя как дома!

Сумрачное и тёмное помещение совсем не походило на то, что Кай привык считать домом, потому расслабиться не получилось. В самой атмосфере ощущалось что-то нездоровое. Как в комнате, где держали тяжелобольного.

Пространство вокруг казалось захламлённым и тесным. Полукруглые окна под потолком почти не пропускали света. К тому же повсюду, куда только падал взгляд, стояли бесчисленные стеклянные колбочки, банки и пробирки, запол-

ненные мутной жидкостью, в которой плавало что-то омерзительное, чему Кай никак не мог подобрать названия.

Казалось, встреча проходила не в детском приюте, а в самой настоящей лаборатории.

– Зачем вы хотели видеть меня, госпожа? – осторожно уточнил Кай, занимая предложенное место.

Фру Линд покачала головой, словно из всех возможных вопросов собеседник намеренно выбрал неправильный, но тут же спохватилась, смущённо заулыбалась и всплеснула руками.

– Хотела? О нет, боюсь, мне нужно было вас увидеть, а это несколько другое. То, что мы хотим, не всегда соотносится с нашими возможностями, мальчик. Я вот мечтаю провести жизнь, разбивая грядки в моём прекрасном саду, но если перестану оберегать детишек и указывать им путь – не доживу даже до весны. Ледышка на голову упадёт, знаете ли. Бедный господин Линд, конечно же, этого не переживёт и отправится на небеса вслед за мной и седмицы не пройдёт. А я такого никогда не допущу. Не зря ведь обещала его матушке на венчании заботиться о болезном до гробовой доски!

Ну вот, кажется, снова началось то самое, чего Кай так сильно боялся. В первую очередь потому, что не мог объяснить или контролировать. Эти её… знаменитые странности.

Но почему сейчас?

Кай не знал.

Утром он полагал, что явился в «Вечный сад», дабы про-

вести уроки и с чистой совестью отправиться домой, прихватив в бакалейной лавке кусочек отличной колбасы для Маленькой разбойницы…

Однако всё снова пошло не так, и он решительно ничего не мог с этим поделать. Или просто не хотел?

Взгляд фру Линд показался ему колдовским. Он зачаровывал, приковывал к себе внимание, так что Кай просто не мог отвести глаз от изрезанного морщинами лица.

Весьма неприятное ощущение.

– Если вы хотите о чём-то меня предупредить – говорите прямо.

Кай не понимал, откуда взялась смелость озвучить главный вопрос так открыто. Но был рад и горд собой, что решился поставить вопрос ребром.

Показать ведьме, что он готов столкнуться с тяжёлой правдой, было правильным решением. Так поступил бы Май.

Кай бросил взгляд на маленькое мутное зеркало, украшавшее дальнюю стену, и на секунду увидел в отражении не себя, а брата. Ведь сам он никогда не глядел на кого-то с таким вызовом и отвагой.

Да что же с ним творилось?

Кай тряхнул головой, отгоняя наваждение, и то растаяло, покорно оставив его наедине с собой. В одиночестве, которого он всегда боялся. От которого бежал, словно то было опасным и неотвратимым явлением вроде бури и внезапной

смерти, что вечно таится за спиной.

– Не садись в сани, дитя, – задумчиво проговорила фру Линд. – Когда придёт время, ни за что в них не садись!

Кай нервно усмехнулся, живо представив, как огромные сани – ледяные, громадные, неповоротливые – скользят среди пышных экипажей и скромных почтовых карет по серым мокрым улицам. Сани – и в их-то городке?

Лишь через мгновение до него дошло, что старуха напророчила не только скорую поездку, но и зиму. Ту самую, которой боялись даже те горожане, что не верили в жестокую Снежную королеву.

Осознание заставило всё внутри заледенеть, словно холода уже наступили, и Кай не сумел вовремя от них спрятаться.

– Какие ещё сани, великодушная фру?

Она наверняка говорила о легендах, которыми пугали детей. Не всерьёз.

– О чём вы, госпожа? – переспросил Кай, не дождавшись ответа.

Ведьма, казалось, его не слышала.

Теперь она смотрела не на него, а в сторону, на искажённое, подрагивающее отражение, выплясывающее на стеклянной дверце шкафа с банками. Будто тоже увидела там кого-то, кто давно ушёл и уже никак не мог вернуться.

Даже смотри она в пустой угол комнаты, хохоча и притворяясь, что видит там что-то или даже кого-то, Кай напрягся бы меньше. Но теперь…

Он резко поднялся и шагнул к двери.

– Хлад заберёт, что ему причитается. Всегда забирает. Но ты всё равно в сани не садись.

Каю вдруг стало дурно. В ушах зазвенело, а голова пошла кругом.

– Перестаньте.

Старуха резко моргнула, и взгляд её вновь стал осмысленным. Словно и не было таинственного предсказания и загробного шёпота.

– Береги…

Она поднялась, бросилась вперёд и попыталась ухватить Кая за рукав, но тот не позволил, вовремя отступив.

– Что беречь?

Ему не стоило спрашивать, но он всё равно поддался соблазну. Хотя заранее знал, что ответ ему не понравится.

На сей раз ведьма медленно, словно через силу, подняла тонкую руку и указала себе на грудь. В то место, где за клеткой рёбер пряталось сердце.

Кровь застучала у Кая в висках.

– Хорошего дня, фру Линд.

Старуха окликнула его у двери. Заставила остановиться, хотя он того и не хотел.

– Задвинь засовы и разожги огонь жарче, мальчик. Быть может, тогда беды не случится, – загадочно изрекла она на прощание. – Хотя, боюсь, метель так или иначе начнётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.